

«Пушкин»—трагедия А. Глобы

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Хорошая и умная вещь появилась в нашей поэзии. Это трагедия в стихах Андрея Глобы «Пушкин». Я потому ее прежде всего к поэзии не по причине того, что она написана стихами, но потому, что она разрешает приемы чисто поэтическими и в некоторых своих частях звучат глубокой интонацией лирической поэзии.

Время действия — последние дни перед смертью Пушкина. С большой силой Андрей Глоба передает как суживается постепенно круг обреченности вокруг Пушкина, как светская чернь во главе с царем и всесильным шефом жандармом тянет поэта все ближе к гибели. Это чувство обреченности, увеличенное большой страстью и невинством поэта, мужественно борющегося с подростком режима и аристократической склонностью.

Пушкин... (Вяземскому).

Да что ты сердишься? С певавших

пор

Все чаще мысль о смерти посещает Мария и, верь, нисколько не гнетет. Отрада некий в сей мысли есть. Когда ей предстоит бескорыстно Глупцов она пугает, мурзиков Настирает на высокий лад. На нее, как на подушку, отмыкается ханье.

Когда тревога, скука и заботы Вседневной жизни вдруг подступают к сердцу...

Или перед самой смертью:

— Скорей, пожалуйста!..

Что это — как все время сохнет

От горькой оттенкой смертной жажды...

Нет, хотя дважды

Круг жизни пусть свершит свой оборот...

Я радостно все горести, страдания,

Оймы дней минувших повторю!

Прекрасна жизнь! Я жизнь бого

творю.

Хороша, но высирене последняя перед смертью беседа Пушкина с «великими друзьями» — книгами, душами великих поэтов. Последняя сцена — встреча Дантеса с гробом Пушкина — нарочито и плохо проработана.

Кратко и выразительно проведена в образе Пушкина мысль о будущей России, о вечных ценностях, которые он оставляет своей родине. Это чрезвычайно облагораживает его личное стремление к дуалистике.

(В разговоре с Геккерном)

Тут дело в имени моем. Оно

принадлежит не только мне...

России, Николаевне, когда у поэта на

неожиданно мгновений появляется в

руке нож.

Наталья Николаевна — «Мадонна» — одна гораздо бледнее. Это пустоватая светская лада, колеблющаяся между ложью и правдой, тихона, изворотливостью, но внешне породившая женщина. Линия ее поведения в тра-

гедии гораздо более запутана, чем у других героев.

Отрачительная фигура барона Геккера дана с убедительной силой и выполнена мастерски. Дантес — хлыщ и франдрон, в последних эпизодах вызывает некоторое недоумение из-за верности по отношению к жене Пушкину. Очень хорошо, кратко и изразительно обрисованы Вяземский, Жуковский, Александра Николаевна, вообще вся семья Пушкина. Слишком много буффонад и схематичек Булгарин. Николай I — фигура несколько менее схематичная.

Но, конечно, основное, что есть в пьесе — сам Пушкин, то внутреннее величие, которое вспыхивает от него. Трагедийско-лирическое ощущение близкой смерти, соединенное с мощной и прекрасной жизнью жизни, даны в стилизации правильном и полностью поэтическом.

Пушкин... (Вяземскому).

Да что ты сердишься? С певавших

пор

Все чаще мысль о смерти посещает Мария и, верь, нисколько не гнетет. Отрада некий в сей мысли есть. Когда ей предстоит бескорыстно Глупцов она пугает, мурзиков Настирает на высокий лад. На нее, как на подушку, отмыкается ханье.

Когда тревога, скука и заботы Вседневной жизни вдруг подступают к сердцу...

Или перед самой смертью:

— Скорей, пожалуйста!..

Что это — как все время сохнет

От горькой оттенкой смертной жажды...

Нет, хотя дважды

Круг жизни пусть свершит свой оборот...

Я радостно все горести, страдания,

Оймы дней минувших повторю!

Прекрасна жизнь! Я жизнь бого

творю.

Хороша, но высирене последняя перед смертью беседа Пушкина с «великими друзьями» — книгами, душами великих поэтов. Последняя сцена — встреча Дантеса с гробом Пушкина — нарочито и плохо проработана.

Кратко и выразительно проведена в образе Пушкина мысль о будущей России, о вечных ценностях, которые он оставляет своей родине. Это чрезвычайно облагораживает его личное стремление к дуалистике.

(В разговоре с Геккерном)

Тут дело в имени моем. Оно

принадлежит не только мне...

России, Николаевне, когда у поэта на

неожиданно мгновений появляется в

руке нож.

Наталья Николаевна — «Мадонна» — одна гораздо бледнее. Это пустоватая светская лада, колеблющаяся между ложью и правдой, тихона, изворотливостью, но внешне породившая женщина. Линия ее поведения в тра-

гедии гораздо более запутана, чем у других героев.

Отрачительная фигура барона Геккера дана с убедительной силой и выполнена мастерски. Дантес — хлыщ и франдрон, в последних эпизодах вызывает некоторое недоумение из-за верности по отношению к жене Пушкину. Очень хорошо, кратко и изразительно обрисованы Вяземский, Жуковский, Александра Николаевна, вообще вся семья Пушкина. Слишком много буффонад и схематичек Булгарин. Николай I — фигура несколько менее схематичная.

Но, конечно, основное, что есть в пьесе — сам Пушкин, то внутреннее величие, которое вспыхивает от него. Трагедийско-лирическое ощущение близкой смерти, соединенное с мощной и прекрасной жизнью жизни, даны в стилизации правильном и полностью поэтическом.

Пушкин... (Вяземскому).

Да что ты сердишься? С певавших

пор

Все чаще мысль о смерти посещает Мария и, верь, нисколько не гнетет. Отрада некий в сей мысли есть. Когда ей предстоит бескорыстно Глупцов она пугает, мурзиков Настирает на высокий лад. На нее, как на подушку, отмыкается ханье.

Когда тревога, скука и заботы Вседневной жизни вдруг подступают к сердцу...

Или перед самой смертью:

— Скорей, пожалуйста!..

Что это — как все время сохнет

От горькой оттенкой смертной жажды...

Нет, хотя дважды

Круг жизни пусть свершит свой оборот...

Я радостно все горести, страдания,

Оймы дней минувших повторю!

Прекрасна жизнь! Я жизнь бого

творю.

Хороша, но высирене последняя перед смертью беседа Пушкина с «великими друзьями» — книгами, душами великих поэтов. Последняя сцена — встреча Дантеса с гробом Пушкина — нарочито и плохо проработана.

Кратко и выразительно проведена в образе Пушкина мысль о будущей России, о вечных ценностях, которые он оставляет своей родине. Это чрезвычайно облагораживает его личное стремление к дуалистике.

(В разговоре с Геккерном)

Тут дело в имени моем. Оно

принадлежит не только мне...

России, Николаевне, когда у поэта на

неожиданно мгновений появляется в

руке нож.

Наталья Николаевна — «Мадонна» — одна гораздо бледнее. Это пустоватая светская лада, колеблющаяся между ложью и правдой, тихона, изворотливостью, но внешне породившая женщина. Линия ее поведения в тра-

гедии гораздо более запутана, чем у других героев.

Отрачительная фигура барона Геккера дана с убедительной силой и выполнена мастерски. Дантес — хлыщ и франдрон, в последних эпизодах вызывает некоторое недоумение из-за верности по отношению к жене Пушкину. Очень хорошо, кратко и изразительно обрисованы Вяземский, Жуковский, Александра Николаевна, вообще вся семья Пушкина. Слишком много буффонад и схематичек Булгарин. Николай I — фигура несколько менее схематичная.

Но, конечно, основное, что есть в пьесе — сам Пушкин, то внутреннее величие, которое вспыхивает от него. Трагедийско-лирическое ощущение близкой смерти, соединенное с мощной и прекрасной жизнью жизни, даны в стилизации правильном и полностью поэтическом.

Пушкин... (Вяземскому).

Да что ты сердишься? С певавших

пор

Все чаще мысль о смерти посещает Мария и, верь, нисколько не гнетет. Отрада некий в сей мысли есть. Когда ей предстоит бескорыстно Глупцов она пугает, мурзиков Настирает на высокий лад. На нее, как на подушку, отмыкается ханье.

Когда тревога, скука и заботы Вседневной жизни вдруг подступают к сердцу...

Или перед самой смертью:

— Скорей, пожалуйста!..

Что это — как все время сохнет

От горькой оттенкой смертной жажды...

Нет, хотя дважды

Круг жизни пусть свершит свой оборот...

Я радостно все горести, страдания,

Оймы дней минувших повторю!

Прекрасна жизнь! Я жизнь бого

творю.

Хороша, но высирене последняя перед смертью беседа Пушкина с «великими друзьями» — книгами, душами великих поэтов. Последняя сцена — встреча Дантеса с гробом Пушкина — нарочито и плохо проработана.

Кратко и выразительно проведена в образе Пушкина мысль о будущей России, о вечных ценностях, которые он оставляет своей родине. Это чрезвычайно облагораживает его личное стремление к дуалистике.

(В разговоре с Геккерном)

Тут дело в имени моем. Оно

принадлежит не только мне...

России, Николаевне, когда у поэта на

неожиданно мгновений появляется в

руке нож.

Наталья Николаевна — «Мадонна» — одна гораздо бледнее. Это пустоватая светская лада, колеблющаяся между ложью и правдой, тихона, изворотливостью, но внешне породившая женщина. Линия ее поведения в тра-

гедии гораздо более запутана, чем у других героев.

Отрачительная фигура барона Геккера дана с убедительной силой и выполнена мастерски. Дантес — хлыщ и франдрон, в последних эпизодах вызывает некоторое недоумение из-за верности по отношению к жене Пушкину. Очень хорошо, кратко и изразительно обрисованы Вяземский, Жуковский, Александра Николаевна, вообще вся семья Пушкина. Слишком много буффонад и схематичек Булгарин. Николай I — фигура несколько менее схематичная.

Но, конечно, основное, что есть в пьесе — сам Пушкин, то внутреннее величие, которое вспыхивает от него. Трагедийско-лирическое ощущение близкой смерти, соединенное с мощной и прекрасной жизнью жизни, даны в стилизации правильном и полностью поэтическом.

Пушкин... (Вяземскому).

Да что ты сердишься? С певавших

пор

Все чаще мысль о смерти посещает Мария и, верь, нисколько не гнетет. Отрада некий в сей мысли есть. Когда ей предстоит бескорыстно Глупцов она пугает, мурзиков Настирает на высокий лад. На нее, как на подушку, отмыкается ханье.

Когда тревога, скука и заботы Вседневной жизни вдруг подступают к сердцу...

Или перед самой смертью:

— Скорей, пожалуйста!..

Что это — как все время сохнет

От горькой оттенкой смерт

Орденоносец Борис Горбатов

Борис Горбатов в книге «Мое поколение» показал поколение молодых ребят, десятилетками встречающих Большую Октябрьскую революцию, вырастивших ее воспитанниками комсомола.

Они разошлись по разным дорогам великой Советской страны — учиться, овладевать мастерством, они стали друзьями и сверстники Бориса Горбатова, инженерами, агрономами, лётчиками, коммандирами батальонов, инженерами заводов, секретарями партийных комитетов.

Они стоят на многочисленных постах своей родины, наши друзья и сверстники, и на краине Севера за полярным кругом и под знаменем союзника Туркменистана.

Они читают в газетах сообщения об успехах достичений своих друзей и удаляются теплой ульбкой щуплого друга другу приветы и поздравления через тысячи километров, разделенных ими.

Страна отметила высокой наградой Бориса Горбатова, и на столе его висят горки телеграмм с Диксионом и из Луганска, из Архангельска и из Свердловска, из армейских частей и доменных заводов, с зимовых Арктики.

«Молодец, Борис! Мы знали, старины, что ты не подкачашь.

Хорошо помнит Бориса донбасские комсомольцы. В Донбассе провел он свое детство и юность. В Донбассе вступила он в комсомол и отдалася комсомольской работе со всем присущим ему жаром. Это были горячие годы. Комсомол был любым товарищем Бориса Горбатова. Неладом первую свою книгу он написал о комсомольской яичке, написал тепло и искренне.

Борис любил книги, им он отдавал все свое свободное время. Ему самому захотелось стать писателем, рассказать всей стране о жизни, богатой и полнокровной, о спектаклях, о счастье труда и творчества.

Его первая книга не обладала еще особенным литературным достоинством. Но это было горячий и простой рассказ комсомольца Горбатова о своей борьбе и работе, о товарищах, о жизни.

Почти с каким жаром рассказывал Борис Горбатов о своих теоретических планах, когда восьмь лет назад мы с ним и Борисом Галиным боролись по железнодорожным путям Ольгиевки и разговаривали о жизни.

Роль «Правды» в воспитании молодого писателя огромна. «Правда», научила Горбатова по-большевистски относиться к каждому своему поступку.

Почти всю страну изъездила Борис Горбатов по заланным «Правдам». Он знал хорошо угольный Донбасс. Побывал на доменных заводах, где мечты омылись с жизнью и работой доменщиков. Его корреспонденции и очерки помогли борьбе за металл. Его хорошо знали и обмерстмарк Коробов и Петр Максименко. Он был близким и родным человеком среди доменщиков.

И значок почетного доменщика по праву получил Горбатов.

От пробой гол в частях Красной армии. Сражался в Ахалыхе в горном полку. Вместе с полком он прошел захватывающие горные походы, отважившиеся в его новой книге.

По заданию «Правды» Горбатов изучал жизнь уральских заводов, писал очерки и отбирал материал для новой книги.

Он задумал написать книгу о своем поколении, долго вынашивал ее замысел, он хотел сделать повесть такой же добротной, как великолепная плавка его приятелей доменщиков.

Книга удалась. Это страстная и искрящая книга, любимая нашей молодежью.

«Правда» послала его в Арктику. Он увлекся Арктикой, как увлекалася каждой работой. Он зимовал на Диксоне. Он не был там гостем, наблюдалителем. Он был одним из активнейших работников зимники.

Много Борис летал с Василием Сергеевичем Молоковым и крепко полюбил этого простого, волевого, настойчивого человека.

Всего летало Борисову около семидесяти тысяч километров. И вот последний полет с Молоковым.

Воздушная лодка Молокова летит над реками, морями и океанами. Он летит короткие и длинные радиограммы в «Правду». Он и тут, на борту

“Шестое чувство” ,Das Wort“

Прежде всего следует расшифровать название этого сборника. Речь идет о «чувстве хозяина одной шестой части и гражданина всех шести частей мира», как выразился Яков Ильин в «Большом конвентере», слова которого поставили эпиграфом в первом сборнике своих стихов Лев Дилягач.

Тема, как мы видим, интересна и отраслевана. Эту тему пытались оформить и сам автор в коротеньком четверостишии:

Жить, летать, работать без простоты!
Вот наш долг, озорной и простой!

Но сухая догма, а шестое

Чувство и закон одной шестой!

Не сухих догм! Сам автор как будто понимает, что для того, чтобы это шестое чувство выразить, меньше всего нужно логоматизировать. Почему же автор подобрал свою сборник стихов так, что в нем преобладает сухое, рационалистическое отношение к намеченному автором теме? Неподреставленное лирическое выражение из этой большой темы часто отсутствует! Авторские чувства воспринимаются читателем только как некий привоск к гладким, рифмованным рассуждениям, в ровных ритмических высказываниям

Льва Дилягача.

Автор легкодается стихами. Но именно то обстоятельство, что он хорошо владеет стихотворной техникой, и что заложил его стихи обычно прост и ясен, соблазняло его ограничиваться строфами, которые не столько выражали бы или были лирическими, но и не имели никакого отношения к письму.

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема поэмы «Ять» очень

проста: соединение старого с новым. Это — любимая тема Дилягача, которая в сборнике стихов повторяется неоднократно. Но в поэме «Ять» она развернута значительно оправданнее, здесь имеются превосходные строфы, за которые прошаешь автору некоторую искусственность в построении поэмы.

«Еще сильнее сделана поэма «Речь» деревьев, в которой автору удается, пропитав своей магией публицистическую вспышку, выразить меньше всего нечто, что не мешает, а помогает ему Тековы поэмы «Ять», «Речь о деревне» (в последней очень хороша глава «Соседи»).

Сюжетная схема по

Поэты в гостях у читателя

1 октября вечером на Первом государственном заводе им. Л. М. Кагановича состоялась встреча советских поэтов с рабочими завода. Зал ученого комитета, где проходила встреча, был переполнен.

Вечер открыл т. В. Ставский. Он подчеркнул огромную важность для советских писателей постоянной и тесной связи с читательским массами и сообщил, что в дальнейшем рабочие завода часто будут видеть у себя лучших представителей советской литературы.

Ставский подробно остановился на трех огромных задачах, которые стоят перед поэтами: наша действительность: сталинская Конституция, дальнейшее развертывание стахановского движения, герническая борьба испанского народа и т. д. и т. п.

Первым из поэтов получил слово Н. Асеев.

— Я хочу показать время и среду, на которой вышел величайший поэт современности — Вл. Маяковский, — сообщил т. Асеев. — Этим теме захватила меня. Пишу большую поэму, в которой хочу рассказать все, что знаю о Маяковском.

После такого вступления Н. Асеев прочел первую главу своей поэмы о Маяковском. Эта глава — о предреволюционной Москве.

Н. Асеева смеется поэт П. Панчев.

ВЕЧЕР СИБИРСКОГО ПОЭТА

К Седых — молодой сибирский поэт, комсомолец, пишет с 1926 года, имеет три сборника стихов, выпущенных Иркутским издательством.

28 сентября в Доме советского писателя состоялся творческий вечер К. Седых. С критиками его произведениям выступили А. Сурков, Д. Бродский, А. Ситников, М. Рудерман, С. Островский, И. Френкель и Л. Черноморец.

К. Седых знает старую Сибирь, ее природу и жизнь переселенцев. Сибирский народный язык в стихах поэта ярок и выразителен. Таково мнение всех выступавших.

Над речинами тростника,
У вспесных проток реки
Выстрем волнистый в облака
Уток шумные косыки.
(Аргунь)

Но эти положительные качества стихов Седых теряются в массе существенных недостатков. Поэту недостает общей культуры, кругозора, умения глядеть на вещи своими глазами. Только этим можно объяснить

В. СЕЛЕЗНЕВ.

М. Даниэля

На декадине московских еврейских писателей 27 сентября драматург М. Даниэль прочел свою новую пьесу «Иоган Гутенберг».

В этой пьесе автор показывает, как средневековые мракобесы в лице бургомистра Фугста и клерикалов Августина и Бернарида путем угроз и позора пытаются изобрести Гутенберга для печатания индульгенций и библий. Добившись своего, они доводят Гутенберга до синицы.

Их противоположен яркий образ народного комедианта Ганса Зигфрида, который добивается, чтобы Гутенберг напечатал его антиклерикальное морале.

После чтения пьесы произошел оживленный обмен мнений. В своих вы-

зовах Даниэль показывает, как средневековые мракобесы в лице бургомистра Фугста и клерикалов Августина и Бернарида путем угроз и позора пытаются изобрести Гутенберга для печатания индульгенций и библий. Добившись своего, они доводят Гутенберга до синицы.

Специально написанный вариант этой пьесы под название «Комедия и изобретатель» принят к постановке Центральным детским театром под руководством заслуженного артиста Республики Н. И. Сац.

«ТРИ ТОЛСТИКА» В КУКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Кукольный театр, работающий при московском Доме пионера, открыл сезон премьерой — инсценировкой сказки Ю. Олеши «Три голстиста». Авторы инсценировки — Михаиловская и Намред, постановщики — Аристова. Юная аудитория с нескрываемым удовольствием следила за всеми перипетиями борьбы, которую ведет народ скаженной страны, руководимый оружием Гансом. Просперо, против тирании трех голстиков. Сценарий пьесы сделан четко, доходчиво и экономично, самы же спектакль — красочно и нарядно.

Наши детям слишком долго предполагали уныло-аскетические зрелища, а им, живущим в светлой и радостной обстановке социалистической действительности, хочется больше красок, большие музыки, необычайных ситуаций, увлекательного действия.

«Три голстистика» дают много возможностей к созданию такого рода спектакля, в Кукольный театр хорошо сле-

дят и интересны пьесы Ю. Олеши, а также пьесы Ю. Шевчука, А. Суркова, А. Ситникова, М. Рудермана, С. Островского, И. Френкеля и Л. Черноморца.

Ходить этически весело
По тропинке бесстыдной,
Не предвидя от сего
Ни каких последствий.

А «тишка» появилась над всеми страхами блондинерами «опереттоуборщиками», и требовала ликвидации не самого жанра оперетты, а лишь халтуриков и реатов, поднявшихся на этом фронте, требовала доброкачественной продукции, борьбы с пошлостью, которая вовсе не должна, как некий рок, сопутствовать оперете.

Разве обязательны, в самом деле, для советских подмостков адюльтерные схемы на венской «подкладке», глубокомысленные «брюфильмы» — «проблемы» двусмысленной кровати и таки же «тишки» либреттоистического искусства, как:

Моя моя моя, моя моя
Ляя девчень, ляя девчень Наташа
Мне из, мне из, мне из
меняет с вами, мой маркиз!

Или:
Даже старый, даже старый воробей —
И он любит, без забыть (да, да именно
без забыть) И. Р.)

Так обладатель всех забот
Весь заставил твою любовь
В тому полной гианской дребедень.

Но, к великому сожалению оперетты, а лишь халтуриков и реатов, поднявшихся на этом фронте, требовала доброкачественной продукции, борьбы с пошлостью, которая вовсе не должна, как некий рок, сопутствовать оперете.

Даже старый, даже старый воробей —
И он любит, без забыть (да, да именно
без забыть) И. Р.)

Так обладатель всех забот
Весь заставил твою любовь
В тому полной гианской дребедень.

Но, к великому сожалению оперетты, а лишь халтуриков и реатов, поднявшихся на этом фронте, требовала доброкачественной продукции, борьбы с пошлостью, которая вовсе не должна, как некий рок, сопутствовать оперете.

В теме проявляется основная акти-

От наших корреспондентов

КИЕВ. В ближайшие дни в театре им. Франко впервые пойдет новая пьеса И. Михайлич «Дни юности». Это комедия, построенная на материалах жизни нашей молодежи. Тема пьесы — новое отношение человека к миру вещей и к миру людских чувств. О любви, ревности, дружбе и прелестях социалистической романтики рассказывает пьеса. Постановку и режиссерскую разработку ее осуществляют сам автор. «Дни юности» прияты в постановке почти всеми театрами Украины.

МИНИСТР. Пoэты Янка Купала, Якуб Колас, Андрей Александрович Петрушев Бровка, Петро Глебка написали двадцать пять поэм, посвященных махновцам Белорусского военного округа. Песни переведены на языки народов Советского Союза. На русский язык их перевел А. Безымянский, М. Годольский, В. Гусев, С. Кирсанов и А. Сурков.

К тридцатипятилетней литературной деятельности Якуба Коласа Белоруссии выпускает отдельные эпизоды из жизни поэта. Композитор Н. Чурик написал музыку к песням Якуба Коласа «Лес», «Осенний дождик», «Гуцуль» и др.

Литературные радиопередачи

Программа пушкинских передач в октябре содержит: постановку народного артиста, распевки Л. М. Леонидова «Мцыри», выпускание альбома В. Яхонтова, который прочтет седьмую главу «Евгения Онегина», и постановку, в исполнении В. Канцеля, повести «Дубровский». У микрофона выступят также артисты театра им. Вахтангова Д. Журавлев, который прочтет поэму Пушкина «Медный всадник». Будут передаваться специальные пушкинские программы и для детей — с «переплетом на один день», в которых兒童们 will be entertained by various programs.

Рекорд по количеству опечаток все еще остается за Восточносибирским краевидом, умудрившимся в книге В. Шинникова «Утром-река» допустить 344 опечатки. Цифра впечатляющая. И нам остается только предостеречь читателя: не столь уж, по мнению редакторов, являются на головы поэмы, а потому не оторвутся от них.

На классических передач по детскому сектору следует отметить инсценировку «Мертвых душ» Гоголя в исполнении артистов народного артиста М. А. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Составная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XIV. Переписка 1815—1825 гг. Редактор — Д. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XV. Переписка 1826—1836 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XVI. Переписка 1837—1847 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XVII. Переписка 1848—1859 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XVIII. Переписка 1860—1869 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XIX. Переписка 1870—1889 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XX. Переписка 1890—1909 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXI. Переписка 1910—1919 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXII. Переписка 1920—1929 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXIII. Переписка 1930—1939 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXIV. Переписка 1940—1949 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXV. Переписка 1950—1959 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXVI. Переписка 1960—1969 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXVII. Переписка 1970—1979 гг. Редактор — Б. Д. Благой.

Этот том также должен быть выпущен в первом квартале 1936 года. Основная причина опоздания — задержка комментариев. Составленный текст (из печатных листов) уже сверстан. Варягами (около 13 печатных листов) заканчивается версткой, за исключением вариантов «Русана и Ламы»), потребовавших второй коррекции.

Том XXVIII. Переписка 1980—1989 гг. Редактор — Б. Д. Благой.